

Премия
БРЭМА
СТОКЕРА

18+

Том Хуккири
МЕРТВОЕ

Том Пиккирилли

Мёртвое

Серия «Короли ночи»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70163770
Мертвое / Том Пиккирилли: Феникс; Ростов-на-Дону; 2023
ISBN 978-5-222-42011-9

Аннотация

Джейкоб Омут, известный писатель, возвращается в дом своего детства. Десять лет назад он осиротел: уютный старый особняк, принадлежавший многие поколения его семье, стал местом настоящего кошмара. Его сестра, зарубив топором их брата и родителей, заперла мальчика в чулане и совершила ужасное самоубийство. Грядет годовщина той страшной ночи, и неведомая сила призывает Джейкоба вернуться в место, будто застрявшее между миром живых и миром мертвых. Туда, где водится кое-что пострашнее кошмарных воспоминаний. Где в глухих залах бродят зловещие призраки, а мрачные стены скрывают порочные тайны и темное семейное наследие. В место, где больные фантазии давно умершего писателя все еще пронизывают ткань реальности, а в лесах скрываются безымянные существа, терпеливо ждущие возвращения своего создателя.

Классический хоррор о доме с привидениями и семейном проклятии от «мастера ужасов» Тома Пиккирилли, получивший номинацию на премию Брэма Стокера в категории «Лучший роман». Откройте эту книгу темным дождливым вечером – и вам станет по-настоящему страшно.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	20
Глава 3	28
Глава 4	41
Глава 5	45
Глава 6	52
Глава 7	60
Глава 8	70
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Том Пиккирилли

Мёртвое

© Оформление: ООО «Феникс», 2024

© Иллюстрации: Виталий Ильин, 2023

© Перевод: Григорий Шокин, 2023

© Copyright © Michelle Scalise-Piccirilli

© В оформлении обложки использованы иллюстрации по лицензии Shutterstock.com

* * *

*Посвящается Мишель, надёжно опутавшей
меня незримыми путами.*

Глава 1

Легкий бриз ранней весны что-то шепнул ему на ухо, пока он просеивал слова сквозь пальцы – слова, бегущие рекой, будто кровь из разверстой раны.

Джейкоб сидел под деревом в парке. Рядом с ним на земле громоздилась стопка книг в мягких обложках. Он держал на коленях рукопись отца – пожелтевшие страницы текста, полного опечаток, чудовищных орфографических ошибок и меток карандашом, сделанных твердой рукой матери. Она вычитывала рукопись, но зачастую ее странный беглый почерк не позволял распознать суть того или иного исправления. Наверное, в приходской школе имени Причастия Святой Анны их обучала письму одна и та же монахиня – кому еще под силу теперь понять эти каракули? Он прочел еще один абзац и поднял голову, когда мимо проковылял кокер-спаниель, задержавшийся ненадолго, чтобы осторожно понюхать мыски его ботинок.

Заходящее солнце бросало малиновый свет на страницы первого романа его отца. Джейкоб перечитал слова посвящения, но они не помогли отделаться от кровавых образов – последняя глава на них была особенно богата. Отцу нравились кровопролитные финалы; вот и в этом романе главный герой под конец находил консервные банки со срезанными лицами внутри и развешанные по гвоздям кишки. Странно,

как порой его повествование склонялось к лиризму – как если бы в плавное течение одной книги вдруг всплывали абзацы из совсем другой, слишком целомудренной для такого обилия крови. Критики отмечали, что отцу следовало писать более серьезную литературу об отношениях и взаимопомощи – как будто заспиртованная почка в банке на подоконнике в их глазах выступала каким-то признаком разудалой буффонады.

А вот самому Джейкобу таких советов критики уже не давали. Кто-то проводил с его отцом неизбежную параллель, кто-то – всячески подобного избегал, но мало кто хранил в его отношении любезность. Он положил громоздкую рукопись обратно в папку, взял одну из книг в мягкой обложке – тоже написанную его отцом, – и прочитал посвящение:

Моей жене и детям – просто так; иных причин нет.

Отложив этот покетбук, он взял другой из стопки. Дебютный роман. Едва взглянув на название, чувствуя, как тень от дерева давит на шею и грудь, он отбросил и эту книгу, после чего откинулся на шершавый ствол и стал глазеть на спешащих мимо бегунов. Где-то в стороне, на маленьком корте, подходил к концу парный теннисный матч: парень, сторона в проигрыше, огрызнулся на свою спутницу и в расстроенных чувствах запустил в сетку ракеткой. Вернулся кокер-спаниель, а за ним еще одна собака; обе оставили его через ми-

нуту, погнавшись за фрисби. По всему парку, там и сям, на полотенцах расположились отдыхающие парочки. У кого-то с собой была набитая корзинка для пикника, кто-то решил ограничиться спайкой с шестью банками пива. Неудачливый теннисист поднял ракетку и сделал еще один выпад. Его же-на уперла кулаки в бедра, приняв позу, как бы сообщающую: «Лучше бы мы к моей маме поехали».

Улегшись на землю, Джейкоб обрадовался тому, как приятно ощущается мышцами плеч эта естественная подложка – и как камни обвиняющими перстами впиваются в кожу. Ближе к вечеру ветер чуть усилился, охладив атмосферу теплого апреля. По веткам плавно скользили закатные лучи.

Подумай-ка вот о чем: пара детишек с одинаковыми стрижками, стоящая совсем неподалеку, с тающим мороженым в руках, заляпавшим их одежду, – это действительно ВСЕ, что ты сейчас видишь?

Они – не близнецы, но, как он заметил, достаточно похожи – с почти одинаковыми личиками. Дыхание Джейкоба сбилось; история уже сама собой складывалась в его голове. Первый мальчик просто таращился темными глазами, как зверь, привыкший шугаться по кустам, а во взгляде второго уже читалась эта проклятая типично американская боевитость, которую время превращает в жестокость. Такому взгляду хорошо подходит улыбка, сама, в свою очередь, под-

ходящая к самым разным ситуациям из американского быта: покупка новой машины, ограбление заправочной станции, выстрел из пистолета двадцать второго калибра в лицо случайной жертве, оглашение приговора. Несовершеннолетне-го продержат в камере от силы года два, хорошенько прова-рят в среде, заполненной такими же отбитыми, – а потом он, конечно, выйдет на свободу; может, изнасилует шестнадца-тилетнюю девушку или еще что-нибудь отчебучит... Так как зовут этих братьев, а? Допустим, *Клем и Гаррет*.

– *Здороу*, – произнес Клем.

Гаррет был выше, крепче, скороспелее старшего брата. Ни с того ни с сего он резко развернулся и ударил второго мальчишку по голове. Джейкоб скривился, прикусив язык, вспоминая о бицепсах своего брата и о том, какую крепкую взбучку тот мог задать – даром что был инвалидом-колясоч-ником со скрюченными, смахивающими на веточки ногами.

Насупившись, Гаррет сунул в рот остатки своего мороже-ного, отбросил обсосанную начисто палочку в сторону, гряз-ными пальцами потянул за рукав замызганной толстовки и, обнажив бледную обрызгшую руку, согнул ее на манер бо-дибилдера.

– Хорош, да?

Джейкоб кивнул, вспомнив, как Джозеф тягал массивные штанги размером с добрый «фольксваген» – черные вены, словно змеи, вились вдоль рук его брата. Собаки лаяли, и он чувствовал на себе взгляды зверья, бродившего тайком по

лесу.

Гаррет весело и непринужденно залепил своему братцу еще один тумак и кулаком выразительно провел под носом у Клема.

– Говорил тебе, что я сильнее, ага? Я сильнее всех. Ты мне никогда не веришь, но я же говорил тебе, что я сильнее всех.

– Кроме папы.

Вздрогнув, Джейкоб задумался, кого проймет первым – Клема, уставшего вконец от затычин, или его самого. Внутри него уже давно зрел крик. Джозеф, умерший десять лет назад вместе с остальными, снова стал таким близким, и Джейкоб почти чувствовал, как земля шевелится у него за спиной – прах жильцов дома, который он давно покинул, все никак не мог обрести покой.

Наконец с пригорка у качелей донесся хриплый окрик матери ребятишек, несшейся к ним со смущенной улыбкой, чересчур широкой для впалых щек, показывающей слишком много кривых зубов. *Боже, рассказ можно продолжать: это же Джилл Тернер – и сама она, конечно же, памятуя о канадском происхождении, называет себя «Джилл Тернье», но арканзасский въедливый акцент не дает ей повернуть этот фокус. Подростком она пела в хоре, записала демо за полторы тысячи баксов в нелегальной студии звукозаписи, каковой управляла пара-тройка ее друзей. Она переспала с продюсером, парнем по имени Ралстон, у которого под ногтями была смазка – потому что он был всего-навсего авто-*

механиком, игравшим в самодеятельной группе гаражный рок.

У Джилл, стоит воздать ей должное, была хорошая фигура. Такая идеально выпуклая во всех нужных местах. Джейкоб, перебирая книги в мягкой обложке, задавался вопросом, писал ли он или его отец когда-нибудь о ней раньше. Она по-прежнему немного занималась проституцией – по настоянию мужа, ценившего легкий доход, – и обслуживала пару самых непутевых городских копов на задних сиденьях их патрульных машин. *Двадцать баксов – за десять минут; больше и не потребуется.*

На ней были толстые очки с восьмиугольными линзами и металлической оправой, которая выглядела так, будто понадобится паяльная лампа, чтобы прорезать ее. Она сняла их, стала нервными движениями протирать линзы и перемычку. Безжалостный образ мира стерся по краям, расплылся, цвета поблекли; дышать стало легче.

– Вы двое чуть не довели меня до сердечного приступа, сбежав и ни слова не сказав мне! – отругала она детей, покачивая пальцем туда-сюда. – Никогда больше так не делайте, никогда. Обещайте мамочке, что впредь...

Клем и Гаррет, возможно, хорошо понимавшие свое будущее и то, где они в конце концов окажутся, не выглядели должным образом смущенными. Скривившись недовольно, их мать повернулась к Джейкобу.

– Извините, если побеспокоили вас, мистер, – сказала

она. – Иногда парни немного дикие, но они хорошие дети. Надеюсь, они к вам не приставали.

– Нет, все в порядке, – ответил Джейкоб, понимая, что просто так улизнуть у него не выйдет, что в такую пору случайности не случайны. – Не переживайте.

– О, вы тоже книжки читать любите! – проворковала женщина, и от ее голоса свело судорогой живот. Она постучала ногтем по стеклышку своих очков. – Вот так я и посадила зрение. По-моему, в наше время никто ничего уже не читает! Кроме дурацких пособий по саморазвитию, которые и не развивают по итогу совсем. Так-так, что тут у нас? – Подойдя, она вытащила предпоследнюю книгу из стопки у Джейкоба под мышкой. Обложка у той была с анимаграфикой – недурственный издательский ход; такую замечаешь, едва толькоходишь в книжный магазин. Джейкоб неловко перехватил остальные – и они посыпались дружно на землю. Папка с рукописью отца смачно шлепнула по грязи, белые языки листов дразняще выпростались наружу.

– Извините, – сказала женщина, глядя на клыкастое существо на обложке, тянувшее лапу к читателю – совсем как когда-то тянула к нему руки сестра Рейчел, с почти такой же улыбкой. Это была глупая картинка, но она помогла продать книгу – одному богу известно почему. – Ого! Айзек Омут! Я по нему та-а-ак тащу-у-усь! – Последние два слова женщина растянула, будто комки сладкой нуги. – Его книжки *реально* страшные. Как думаете, Омут – реальная фамилия? Мне

кажется, нет, наверняка псевдоним. Чтоб отвечало атмосфере его книжек: читаешь Омута, будто тонешь! – Она глупо захихикала, чуть сморщив нос. Ни ее блузка, ни небрежно нанесенный макияж не могли полностью скрыть синяки, покрывшие ее плечи и шею, – цветами от коричневого до иссиня-черного. У ее парня кулак был что надо, но все же не такой здоровенный, как у Джозефа. Левша, видать – следы от костяшек чаще и четче проступали на правой стороне ее тела.

– А то, как он сам и его семья погибли, разве не ужас? Читаешь и думаешь: вот ведь ирония судьбы, писал о плохих вещах и сам кончил плохо... – Женщина коснулась руки Джейкоба, словно разделяя с ним торжественный момент.

Стало темнее, солнце почти уже скрылось за горизонтом. Свет в парке потускнел, а на футбольном поле – наоборот, стал ярче. Игроки подбрасывали мяч к самой луне, на три четверти полной.

– Мамочка, я сильнее всех, – сказал Гаррет, и Джейкоб до того ясно увидел, как этот парнишка в будущем перерезает кому-нибудь горло, что во рту у него пересохло. – Верно?

– Да, дорогой, конечно.

– Так и знал! Так и знал!

– Пора идти, – заметил Клем с бесстрастным, как у рыбы, лицом. – Прежде чем папа выбьет из нас все дерьмо.

Она отмахнулась от него, перебирая остальные книги стопки – с таким остервенелым интересом, словно хотела

сквозь бумагу прорваться к плоти автора, ко всему тому, что саму его суть составляло. *Джилл-потрошительница.*

– У вас тут и Джейкоб Омут! – Она прижала его роман к груди, и на какой-то миг он почувствовал, будто сам крепко прижимается к покрытой синяками ложбинке. Его руки были вполовину меньше, чем у ее мужа или его брата; такой щедушный тип не смог бы ее довести до оргазма. – О, он тоже довольно хорош – не так хорош, как его отец, но большую часть семейного таланта унаследовал.

На ум Джейкобу пришли слова отца: *«Это называется экспозиция. – Рейчел в то время маячила у него за спиной, дышала ему в ухо, изучала бумаги, разложенные на столе; отец ухмылялся. – Уловка по писательским меркам нехитрая, но в сущности полезная – определить конфликт на ранней стадии и вывести его непосредственно на передний план повествования. Экспозиция – ярлык дешевый, но какой уж есть»*. Перед глазами встала рука Рейчел – ее ногти всегда оставляли следы на его страницах... и на нем самом.

Женщина выхватила у него экземпляр его последнего романа «Грехи сыновей» и повертела его в руках, бормоча что-то о «жестокой концовке». Джейкоб хотел уговорить ее вернуться домой. Клем был прав: ее мужик снова собирался выбить из нее все дерьмо. Она проверила внутреннюю сторону задней обложки и заметила черно-белую фотографию, все еще относительно новую для большинства массовых изданий в мягкой обложке. Глянула на него, прищурившись, и

снова – на снимок, и так еще несколько раз, пока осознание не озарило ее лицо.

Решающими факторами послужили темнота и ее плохое зрение. Она бы никогда не узнала его на зернистом снимке, не случись их столкновение при последних ярких лучах солнца. Фотография была сделана в соседнем баре, и тени на ней было гораздо больше, чем вмятых человеческих черт; его лицо оказалось слегка не в фокусе, потому что кто-то в зале окликнул его по имени, и он обернулся на зов. Ближайший к ним парковый фонарь светил примерно так же, как приглушенный свет в баре.

– Так это *вы*, – прошептала она, чуть не выронив книгу – выронила бы, не успей он подхватить. Покетбук отправился под мышку, в компанию к остальным. Обычно как-то так вели себя подростки-готы, татуированные, с искусственно заточенными клыками, на встречах с писателями вампирских саг. Всем им отчаянно требовалось прикоснуться к мифу.

– Это я, – подтвердил Джейкоб. – Приятно познакомиться. До свидания. – Он пошел бочком по торчащим из земли корням кленов, направляясь обратно к садовой дорожке. Далеко впереди продолжал прогуливаться кокер-спаниель.

– Стойте! *Стойте!* Мистер Омут!

Господь всемогущий, «мистер Омут». Он поморщился от звука собственного имени. Оно звучало так мелодраматически – как псевдоним, тут Джилл была права. Как так вышло, что никто в семье со времен капитана Тадеуша, лихого мо-

рячка-работоторговца, и сделавшего эту дурную кличку фамилией, не образумился – и не перекрестился в нормального Смита, Джонса, ну или хотя бы Страмма? Почему глупая выходка предка дожила до этих дней?

Она подошла и схватила его за плечо жестким щипком. Сгребла хорошую горсть его плоти и развернула лицом к себе. Черт, она была сильна, эта дама; это жизнь с борцоватым мужиком так на ней сказалась?

– Послушайте! Как по мне, «Хирургия Когтя» – высший класс. Я еще неделю после прочтения не могла нормально заснуть, говорю вам как на духу. То, как написаны сцены с тем парнем на кровати, над которой висели ножи... или с тем чокнутым мальчишкой, что сунул голову в духовку, и его лицо просто *растяло*... божечки, мне это потом еще долго в кошмарах снилось. Вы невероятно *крутой*.

Джейкоб улыбнулся, все гадая, кто же из ее детей загремит в тюрьму первым.

– Спасибо.

– Да не за что! За правду не благодарят!

Реальность отцовских слов навалилась на него – слов весомых и преисполненных смысла, живых и угрожающих, перекрывающих собственные мысли. Джейкоб потер темя – головная боль нарастала со скоростью лавины.

– Я думаю, вы почти так же хороши, как отец, – сказала она.

Его улыбка сделалась слегка натянутой, но он повторил

так же радушно:

– Спасибо.

Она скрестила руки под грудью, невольно приподняв ее – странный приглашающий жест. Он мог представить себе ее лифчик, висящий над его кушеткой, следы от укусов и рубцы на животе и спине, столь ужасные в своих деталях. Желудок скрутило.

– Вы не возражаете, если я задам вам вопрос? – произнесла она.

– Слушайте, мне было приятно с вами поговорить, но я, пожалуй, пойду.

– Это важно для меня. Может, вы и не поймете насколько, но я просто хочу...

– Извините, уже поздно, правда. У меня много работы.

– Я не отниму у вас и минуты.

– Я...

– *Прошу вас.*

Ну конечно, она от него не отстанет. Ему ведь больше делать нечего, кроме как на чьи-то вопросы отвечать. Приятельское любопытство именно такого рода проявляли к нему репортеры, копы, психиатры – будто сплошь закадычные друзья, собирающиеся с ним за компанию посмотреть хоккей. Глядели на него, словно говоря: «Ну уж мне-то, дружнице, ты все можешь рассказать». С одиннадцати лет он *всюду* наткнулся на этот взгляд; но в том-то и крылась загвоздка, что ничегошеньки он им рассказать не мог, потому как

сам не знал ни черта. Кто бы ему хоть что-то рассказал. Все жаждали подробностей, понукали обо всем распространяться в красках, если рисовать бойню – так уж с размахом. Врачи, редакторы, газетчики... и женщины, для которых сграбастать незнакомого мужчину за плечо – плевое дело. Все притворялись уверенными, наклоняясь с ухмылкой, чтобы спросить: «Что с ними случилось? Почему твоя сестра это сделала? Что ты видел? Почему ты жив? *Куда она дела их головы?»*

– Откуда вы черпаете свои идеи?

Он тихонько выдохнул, и его чуть не вырвало. Не от облегчения. Он заполучал свои идеи так же, как и все: будучи тем, кем был, задавая свои собственные вопросы. Именно это и следовало сказать, но слова не шли на язык. Глядя ей в глаза, он задавался вопросом, когда, черт возьми, буйный муженек зарежет ее, когда дети отвернутся от нее, когда какой-нибудь коп, любитель дешевых минетов, сочтет, что деньги недобросовестно отработаны, и разобьет ее лицо о приборную панель.

Мальчишка с глазами трупа повторил:

– Папа выбьет из нас все дерьмо. Нам нужно идти. Ну, скорее же!

– Потерпи еще минутку, дорогой.

– Нам крышка.

Джейкоб поверил малышу. Он отступил на несколько шагов, развернулся и быстро пошел прочь, лишенный почти

всего, кроме нелепой потребности в бегстве; голоса вдруг вернулись снова, обрушившись на него после стольких лет. Абзацы папиных романов шли на ум с ходу, он помнил их наизусть. От книг под мышкой исходил жар, точно от каких-то живых существ – жар его слов, любящих, а может быть, проклинаящих, которым стоило умереть точно так же, как и ему самому – десять лет назад.

Приближалась годовщина, и Джейкоб знал, что должен вернуться и узнать правду об этом мертвом враге, которого когда-то называли его семьей.

Глава 2

Они зывали к нему. Их зов никогда не ослабевал.

Сила их присутствия была особенно тяжела в последние минуты перед сном, но и утром, при пробуждении, он не менее отчетливо чувствовал их. В затылке отдавалось уже знакомое ощущение – первый позывной перед приливом кошмара, который вот-вот накроет с головой, да так скоро, что уже поздно барахтаться.

Из загробья они нашли себе дорогу в пористую реальность его снов. Слова, голоса, лица. Звуки, от которых его слух давно отвык: утренние приветствия, скрип отодвигаемых стульев, цоканье вилок по тарелкам, плеск кофе. Скрип инвалидной коляски, катящейся по ковру, и тихий голос сестры, напевавшей что-то в такт птичьему щебету за кухонным окном, – все это вернулось к нему.

Джейкоб материализовывался в этом кошмаре, исторгнутый в самый его эпицентр вспышкой неземного света, и все семейство поворачивалось на своих местах, чтобы получше его рассмотреть. Их дом на острове Стоунтроу поприветствовал его тусклыми отблесками столового серебра и ухмылкой отца, который хоть и находился прямо перед ним, как-то умудрялся быть еще и наверху, в своем рабочем кабинете, откуда неся перестук клавиш древнего портативного «Ундервуда» с выпавшими клавишами «К» и «Т». Этот без-

душный механический стрекот, казалось, успокаивал мать, хоть она и поглядывала на лестницу с легким недовольством – когда уже папа спустится? Но он ведь и так был уже здесь – глядел на глупо улыбающегося в ожидании начала трапезы Джейкоба поверх тарелок, безо всякого выражения – без гнева, печали, прямо-таки лучащийся абсолют пустоты. Лик Айзека Омута сделался куда румянее, чем Джейкоб помнил, и в черных прядях на висках образовалась седина, до которой он в реальности так и не дожил.

Напольные часы в гостиной пробили восемь, и тут же белочки и птицы подняли шум на подоконнике. Джейкоб вздрогнул на своем стуле (в реальности в этот момент дрожа на пропитанных потом простынях), наблюдая, как Рейчел пересела поближе к нему, взяла его за руку и, пытливо изучая своими великолепными глазищами, спросила, когда братик вернется домой.

Будучи на шесть лет старше его, она намертво застряла в семнадцатилетней поре. По примеру отца, стареть Рейчел не хотела. Ее приветливая улыбка идеально сохранилась – и в ней, как и встарь, смешались доброта с горечью, притягательный блеск зубов с оскалом чего-то кошмарного. Ее длинные черные волосы были завиты как будто по случаю какого-нибудь праздника – словно повседневный «хвост» не соответствовал случаю. Раздраженная его молчанием, она повторила с полуухмылкой:

– Когда?

– Но я и так уже здесь, – сказал Джейкоб.

Она придвинулась еще ближе, нанизала на вилку половинку яйца и запихнула ему в рот, будто младенцу. Сон передал вкус и запах на диво достоверно, спазм сдавил ему горло. Рейчел засмеялась, видя, как он давится, вытерла ему подбородок и сказала:

– Вижу, глупенький! Но ты должен навещать нас почаще. Эта твоя *блядская* «полная занятость»...

– Рейчел! – с укоризной произнесла мама, в чьих глазах плескался страх вперемешку со слезами, будто все ее силы были направлены на озвучение одного-единственного слова. – Прошу, не матерись за столом...

Даже мама. Даже мама не смогла освободиться, боже мой.

– Прости, мам. – Рейчел повернулась к Джейкобу. – Так вот, ты всегда так *блядски* сильно занят, и мы все хотим донести до тебя, гений наш домотканый – мы *любим* тебя и хотим, чтобы ты навещал нас почаще. Мы все по тебе соскучились, правда, мам?

– Правда, – подтвердила та свистящим полупшепотом, словно говоря с проколотым легким. – Приезжай почаще. Не забывай о нас.

Джейкоб искал искренности и не мог ее найти; теперь мать стала стройнее, старше, еще привлекательнее в ка-

ком-то смысле. Ее улыбка казалась натянутой, как будто кто-то приставил пистолет к ее затылку и велел сохранять спокойствие. Ее скулы побелели, глупая улыбка не находила отражения в исполненном муки взгляде.

– В твоей комнате все по-прежнему на тех же местах, Третий, – продолжала Рейчел, обращаясь к нему по старому ужасному прозвищу. – Ничего там не изменилось. Хочешь – работай над новым романом, хочешь – выходи в сад, погуляем... Ну так что, может, как раз на эти выходные и приедешь, а? Обещай, что приедешь. – Она хихикнула, и этот особый многозначительный смешок пролез под самые ребра, щекоча и раздражая. Вилка со второй половинкой яйца приблизилась к его губам.

Джейкоб отвел руку сестры, наслаждаясь физическим контактом. Его нервы горели. Улыбка Рейчел стала шире, и она склонила голову вбок, бросив на него мутный взгляд. Ее зубы обнажились, когда она наклонилась ближе, собираясь не то укусить, не то поцеловать.

– Хватит... – взмолился он – и через мгновение уловил запах лосьона после бритья, которым обычно пользовался его брат.

Отдаленно осознавая, что онемение охватило ноги, Джейкоб прижал свои губы ко рту Рейчел. Ему нужно было увидеть, сколько от нее на самом деле осталось и как сильно она все еще может влиять на него. Он открыл рот – и вдруг очутился в инвалидном кресле Джозефа, катящемся назад в го-

стиную.

Джозеф стоял у камина под портретами их родителей, бабушек, дедушек и других предков. Там, наверху, Тадеуш сурово взирал на мир, злясь на мертвых рабов, которых не смог продать, и на китов, чей жир так и не добыл. У старика были здоровые конечности – жилистые и прочные; он тоже решил не стареть – возможно, даже позволил себе немножко помолодеть. Джейкоб подумал, что они с ним примерно одного возраста.

– Есть какая-то конкретная причина, по которой ты играешь в эти игры? – спросил он. – Тебе бы стало легче, если бы я тоже был калекой? – Конечно, не стало бы; и теперь, изнутри покалеченного естества брата, он чувствовал всепоглощающую ярость, слепую и требующую воздаяния. Джейкоб еще не родился, когда Джозеф предпринял свой прыжок веры с одной ветки сосны на другую. Мама рассказывала, что при этом он еще и голосил, как Тарзан. Вот только удали обезьяньего приема у брата не оказалось: рискованный маневр окончился на земле. На что он рассчитывал? Что дерево протянет руку и схватит его?

– Конечно, – ответил Джозеф. – Причина есть всегда, Третий. – Перед Джейкобом, со скрещенными на мускулистой груди руками, он выглядел так, словно мог разорвать мир на куски. Он ухмыльнулся, по-мальчишески любезно, и на мгновение Джейкоб представил, что они взаправду друзья. Лишь воспоминания мешали этой фантазии. Ум Джозефа

полон был тех же мыслей и аналогичных препон, и в какой-то момент его ухмылка сменилась с фамильярной на презрительную. Он подъехал к фортепиано и сыграл нестройную гамму с большими паузами между нотами – будто не решаясь вывести мелодию слитно, не зная, с какой клавиши лучше продолжить.

Раз или два Джейкоб видел братьев, которые были настоящими друзьями, пили пиво и даже смеялись вместе. Но, может быть, ему это только показалось, хотя он был уверен, что никогда не писал такой сцены. Он откинул ноги назад, наблюдая, как элементы его тела снова перестраиваются, будто слова текут одно за другим, переписываясь по пути. Стук пишущей машинки наполнил комнату. Он встал с инвалидного кресла, упер ногу в сиденье и яростно пнул его, отправив в коридор, где кресло исчезло среди теней во мраке дома. Он вернулся в столовую, где его ждали четыре труп.

– Что вам всем нужно от меня? – спросил он.

– *Ничего*, – пробубнил Джозеф из-под слоя земли, налипшего ему на лицо. Его глаза были съедены червями, тельца пронираливых тварей то и дело показывались из глазниц.

– *Ничего, мой хороший*, – грустно произнесла мама. Мышцы ее лица дернулись, как будто где-то за кулисами натянулись удерживающие марионетку струнки. – *Мы всего лишь хотели снова собраться вместе. С тобой.* – Ее губы двигались, но слова исходили, похоже, не из них – да и чем ей говорить, коль скоро язык сгнил и черные капли падали с ис-

тлевшей щеки на скатерть?

Красивые черты лица Рейчел начали осыпаться, но тщеславие не позволяло ей дать им *совсем уж* исчезнуть; смерть – слишком пустячное оправдание для того, чтобы сказаться непривлекательной.

– Так-то лучше, – похвалил ее Джейкоб и не удержался от смешка; даже за гранью смерти некоторые вещи неизменны. Она скривилась, затем зарычала и выпятила нижнюю губу – не то гневаясь на него, не то сардонически скалясь.

А папа просто сидел.

Он мог ответить на все вопросы, вот только не торопился с этим. Этот человек не стал бы лгать, хотя и построил свою карьеру на лжи, искажая тщательно продуманные истины жизни, отрезая от них кусочки, искривляя и ниспровергая всю память и историю, даже мифы. Папа подошел к нему, но исчез из виду, когда они уже собирались встретиться. Странно эхом отдался в мозгу вопрос: *почему ты делаешь это с собой?*

Джейкоб бросился к Рейчел, чье лицо было изуродовано смертью, но в то же время – так прекрасно, так ярко подсвечено изнутри светом души.

– Хватит этого дерьма. Тебе есть что сказать, ну и мне тоже. Скажи мне, Рейчел. Я хочу знать, почему ты это сделала.

– *Я ничего не делала.*

– Скажи, почему ты не прикончила меня так же, как и всех?

– Ты и сам знаешь.

– Не могу вспомнить.

– Ну разве это не удобная позиция? – Кровь текла с уголков ее рта. – Почему бы не спросить свою маленькую подружку? А еще лучше – вернись домой и узнай сам.

Пальцами он приподнял ее частично разложившийся подбородок – пока их носы не соприкоснулись.

– Я вернусь, – бросил Джейкоб.

Глава 3

У Вейкли был пунктик: перед тем, как сорваться с цепи, он всегда тормозил.

Большинство людей, знавших его, предполагали, что этого типа воспитал просмотр второразрядных боевиков – снятых как раз по романам, которые он, будучи литературным агентом, пристраивал. Казалось, каждая третья-четвертая подобная книга описывает, как хороший парень заходит слишком далеко, в его глазах разгорается жажда убийства, медные трубы стонут – и грядет разнузданное мочиловое. Вейкли получал пропуски на премьеры – и ни одной не упускал, покуда фильмы не перешли на формат «direct-to-video»¹, будучи слишком малобюджетными даже для ограниченных дебютов.

Вейкли, конечно, никого не мочил – просто разбрасывался бумагой. Он не рвал ее и не комкал в кулаках, всего лишь опорожнял лоток принтера на пол.

¹ Direct-to-video (с англ. – «непосредственно на видеокассету»), также употребляется форма straight-to-video) – устоявшееся англоязычное выражение, используемое для обозначения категории малобюджетных либо неудачных с точки зрения кинопрокатных перспектив кинокартин. Другим случаем является выпуск картины, не планирующей к показу на широких экранах, исключительно для домашнего просмотра. Фильмы direct-to-video выпускаются, как правило, без широкомасштабной рекламной кампании сразу на видеоносителе, без выхода в кинотеатральный прокат.

– Нет, – заявил он. – Ни фига подобного.

Вейкли не мог похвастаться недюжинной силой, и если кого-то и мог замучить, то только себя – когда заливался по уши «Джеком Дэниелсом» и захламлял свой рабочий стол. Подергав себя за пушистую белую бороду, он ненадолго разгладил несколько глубоких морщин на шее.

– Ты ведь это не всерьез, правда? – умоляюще поинтересовался Вейкли.

– Серьезней некуда, Боб.

– Я тебя слышал. Нечего было и уточнять.

Как всегда, разнос Вейкли начался с холодной покорности. Эта фаза скоро миновала, и сначала, пыхтя и морща губы, Вейкли стал перекладывать бумаги на столе. Они оказались слишком важны, чтобы ими просто так разбрасываться, поэтому хозяин кабинета как бы невзначай пнул носком ботинка корзину для мусора – та даже не опрокинулась. Тогда рука Вейкли потянулась к лотку принтера, и не особо хорошо отапливаемый кабинет наполнился атмосферой тягучего томления.

Со следующего тычка ногой что-то из корзины все-таки вылетело на пол. Пыхтя и бормоча себе что-то под нос, Вейкли исполнил на мусоре небольшое фламенко. Уважать его в такие моменты было трудно, но любить – проще некуда. Все-таки мужчина являл собой полную противоположность сурового Айзека Омута.

– Значит, всерьез. Если думаешь, что я благословлю эту

твою затею и даже бровью не поведу, ты спятил.

– Послушай, Боб...

– Это ты послушай. И – нет, я не собираюсь читать тебе нотации. Что угодно, только не это, дружище.

– Как по мне, оно самое.

– Я думал, мы договорились, что ты больше никогда туда не вернешься.

– Разве договаривались?

– Разве я не прав сейчас?

– Прав конечно.

– Ну и в чем проблема?

– Ни в чем.

– Господи Иисусе, перестань со мной соглашаться.

Новая секретарша Вейкли, Лиза, одарила Джейкоба смущенным сочувствующим взглядом. Она ему уже нравилась, хоть бы и потому, что предпочла усесться рядом с ним на кушетку, хотя куда естественнее было бы занять стул напротив Боба. Рыжеволосая девушка ростом шесть футов без каблучков, судя по всему, от силы год-другой назад окончившая колледж, она не настаивала на том, чтобы ее называли «администратором», «помощницей» или «менеджером». У нее были приятно-округлые щеки, карамельные веснушки, ничуть не скрытые тональным кремом; уши – без проколов, что Джейкоб нашел слегка экзотичным. Она старалась сохранять невозмутимое выражение лица, но продолжала бросать на него косые взгляды, будто уже знала, как будет разви-

ваться спектакль, но все еще получала от зрелища удовольствие. Ее губы тронула чувственная, уж слишком интимного характера улыбка, и Джейкоб мигом смекнул, что Вейкли спит с ней.

Лиза переложила свой блокнот на колени – все страницы были покрыты завитками, смахивающими на записи на незнакомом языке, – и скрестила ноги с хорошо развитыми мышцами; такими только дерьмо из хулиганья выбивать. Склонила голову, наблюдая, как Вейкли ударяется в новые нервные трепыхания, на сей раз – почти что в ритме сальсы.

– Не думал, что ими еще пользуются, – заметил Джейкоб.

– Чем? – уточнила Лиза.

– Ручками и блокнотами. Ну, чтобы стенографировать.

– Я не особо продвинутая пользовательница компьютера.

– Я тоже.

– По правде сказать, *ненавижу* компьютеры.

– Я тоже.

– Ты, должно быть, Джейкоб, – сказала она.

Он кивнул. Их голые руки соприкоснулись, когда они сидели вместе на диване, и он был очарован видом ее волос – тем, как они образовывали вокруг ее головы нечто вроде невесомого ореола.

– Я полагаю, Боб рассказал немного обо мне?

– Немного. Он всегда так себя ведет, когда просто наносишь визит вежливости?

– Отводить душу на писателях порой полезно. – Джейкоб пожал плечами.

– Я Лиза Хокингс. Большая твоя фанатка. Все твои книги прочла.

Он никогда в жизни не видел более бесстрастного лица – хотя ее глаза сверкали, а по губам все еще скользила шаловливая улыбка. Джейкоб протянул Лизе руку без особой уверенности в том, насколько жест выйдет социально приемлемым. Однако Лиза ответила на рукопожатие тут же, крепко и почти до боли стиснув его пальцы. Ее рука выглядела даже больше его собственной.

– Спасибо, Лиза.

– Ты понял, что я лгу.

– Да, понял.

– Как это у тебя получилось?

Вейкли, особо не слушая их болтовню, выпрямился в кресле, вцепившись в бумаги. Он выглядел задумчивым и испуганным одновременно. Кресло медленно выписало по оси разворот, явив из-под стола трясущиеся колени сидящего в нем. Лиза пожала плечами – для нее ситуация явно была в новинку. Да и сам Джейкоб едва ли понимал, что за игру затеял.

Роберт Вейкли, литературный агент его отца (а теперь и его собственный), был кем-то вроде дядюшки, часто навещавшего Джейкоба, когда тот был ребенком. Он боролся за то, чтобы стать его законным опекуном, во время сражения, которое развязала двоюродная бабушка с самых дальних ветвей фамильного древа. Джейкоб встречал ее однажды, милую и искреннюю женщину, но ей было за шестьдесят, и ей не нужен был одиннадцатилетний ребенок. Она дала ему пакетик с печеньем домашней выпечки и пару детских фотографий отца, где тот, даже играя с детьми, казался сердитым и насупленным. Джейкоб и Вейкли жили вместе как дружелюбные, но чуждые соседи по комнате в течение следующих семи лет, пока Джейкобу не исполнилось восемнадцать и он не получил свое наследство.

Роберт Вейкли написал три книги о смерти Джейкобова отца – первые две попали в список бестселлеров, ведь всем казалось, что автору трагедия знакома изнутри. Роберту удалось заполучить несколько реальных фотографий с места преступления, но сами тела были на них размыты, да так, что подробностей бойни не углядеть (и все же нельзя было не заметить, что у всех людей на снимках выше шеи ничего не было). Однако к третьей книге люди поняли, что Вейкли повторяет старую песню на новый лад, внося лишь небольшие дополнения к анализу карьеры Айзека Омута и в целом плохих фильмов, снятых на основе его прозы. Более того,

всем стало ясно, что писатель из Вейкли посредственный – иначе тот не стал бы полагаться на Джейкоба в вопросах редактуры.

– Может, мне приготовить что-нибудь на всех нас? – спросила Лиза.

– Было бы неплохо, – сказал Джейкоб. – Спасибо. – Его уже давно тут не будет, когда она со всем управится, и Лиза понимала это.

– Спасибо, – сказал Вейкли. – Я думаю, нам как раз это нужно. Перекусить, по паре коктейлей пропустить. Может, сходим в заведение Спайви? Всех устроит? – Он будто бы намеренно упустил суть слов секретарши или попросту рационализировал ее порыв. Лиза и это подметила – и повела себя так, словно даже не услышала босса. Она ушла, не проронив больше ни слова, вся целиком в своей роли, и Джейкобу она понравилась еще больше.

Вейкли снова пощипал бороду.

– Не возвращайся туда, сынок.

– Почему?

– Слушай, я с этим дерьмом больше не связан.

– Связан, увы, – заметил Джейкоб, – с тех самых пор, как я объявился у тебя. Но я все понимаю, ничего страшного.

– Учить меня еще будешь...

– Не собираюсь.

– Совсем как твой папаша – лишь бы по ушам поездить.

– Я – не мой папаша. – Тут и спорить было не с чем; Вейк-

ли это понимал.

– Послушай, здесь даже и обсуждать нечего. Мы много лет назад закрыли эту тему. И что же сейчас? Зачем тебе туда ехать, ты так и не сказал. Вдохновения ищешь? Не верю, ты раньше как-то без него справлялся – и посмотри-ка, сколько достиг! – Голос Вейкли вдруг дрогнул, так что ему пришлось сделать глубокий вдох. – Скажи честно, ты что, после всех этих лет принял-таки чье-то предложение самому написать книгу о своей семье?

– Скажи мне, как давно ты спишь с Лизой?

– Что еще за вопросы! – Вейкли сердито крутанулся в кресле. Его колени все еще мелко тряслись, и это выглядело довольно смешно. – Идиотские вопросы. Минимум две недели. А теперь перестань увиливать.

– Мне нравится Лиза. И я не увиливаю. Глупо было с *твоей* стороны спрашивать. Ты уже знаешь, что я никогда не напишу об этом доме.

– Ты говорил так раньше, но десять лет – большой срок. И если я правильно угадал, я честно тебе заявляю: брось, не стоит оно того. Ради твоего же блага, не возвращайся.

– Не хочешь ли ты сказать, что *запрещаешь* мне?

– Запрещаю, еще как.

– Ты – *мне* – запрещаешь?

– Черт возьми, да – ты меня вообще слушаешь? Издеваться надо мной вздумал? Да, я тебе запрещаю. – Он очень хотел, чтобы его голос прозвучал по-родительски сурово, но

уже в следующий миг Вейкли добавил с острой болью в голосе, застав их обоих врасплох: – Я... я пытался быть тебе как отец. Как *хороший* отец.

– Господи, Боб, – выпалил Джейкоб. – Давай без этого, прошу. – Он вздрогнул, поняв, как все же сильна связь между ним и этим мужчиной. Почти ужасающе сильна – такого он никак не ожидал.

– Слушай, ты же знаешь: там ты будешь у всех на виду. Сейчас круглая дата, значит, кто-нибудь да заинтересуется делом снова. Прежде ты сдавал дом на острове в аренду куче других писателей – их взглядов на случай Айзека Омута вполне хватит на то, чтобы забить до отказа фонд какой-нибудь сельской библиотеки.

Да, такой был у него план: пусть придут другие и ослабят нечто, свернувшееся в стенах дома подобно змее, унесут его часть с собой и в итоге лишат силы.

– Эти писатели были друзьями папы, а некоторые из них – и твоими и моими, Боб. Они не вернутся, и они достаточно уважают нас и себя, чтобы не превращать возрождение жанра в цирк.

– Это очень наивно с твоей стороны, Джейкоб.

– Если нагрянут фанаты, мне плевать. Подпишу пару книжек. Но никого там сейчас не будет, уверен. Никто даже не знает, как попасть на Стоунтроу.

– И это тоже безрассудно. Ты знать не знаешь, кого туда принесет. Лизе каждые часа два приходится отвечать на

звонки каких-то недоумков, а она даже не в курсе всей истории.

«Умолчания, – говорил отец, – используются, чтобы поддразнить читателя: оставить его в подвешенном состоянии с чувством, будто вот-вот что-то прояснится. Может, и не сразу, но страниц через десять-пятнадцать – точно».

Вейкли подошел и сел рядом с ним. Теперь они были слишком близки в своей общей тревоге – гораздо ближе, чем когда-либо за все те годы, что Джейкоб прожил в доме этого мужчины, слушая, как под ним стонут приведенные на одну ночь подружки или как играют пластинки с чертовым диском.

– Я никогда особо не интересовался в последнее время, что ты чувствуешь...

– Боб.

– Не хочу, чтобы ты думал, будто мне все равно.

– Хватит, Боб.

– Да, я люблю тебя, хотя я знаю, что никогда особо этого не показывал, я понимаю это, но я готов выслушать, если ты когда-нибудь захочешь со мной поговорить.

– Пока – не хочу.

– Я думал, ты справился со всем, что осталось в Стоунтроу. Может, я суеверен...

Кто угодно, только не Боб Вейкли. Джейкоб однажды видел, как этот тип флиртует с новообращенной монахиней. Молоденькой сестрой Христовой в миленьком платьице и с

распущенными светлыми волосами.

– Не то чтобы я верю всем этим рассказам про паранормальные явления... или в то, о чем ты пишешь... но послушай-ка, прошлой ночью мне приснился странный сон.

Этого еще не хватало, боже. Джейкоб задумался, успеет ли он вовремя добраться до двери, если еще есть шанс на побег.

– Боб...

Вейкли умел быть непредсказуемым и выкидывать чудесные фортели. Он мог психануть из-за какой-то ерунды, но с хладнокровием заключать исключительно успешные сделки. Он умело подбирал слова, говоря о самых небывалых вещах, и сейчас его спокойная манера общения заставила Джейкоба покрыться холодным потом.

– Я проснулся, чуть ли не крича, – звучит само по себе как драматическое, мать его, преувеличение, согласен? Кошмар, какой бы ужасный ни был, – просто преходящая фигня. Но от того сна я еще полчаса отойти не мог, а когда на кухне гроыхнула в раковине косо лежащая тарелка – взвизгнул, как девчонка. Так вот, в том сне твой отец...

– Замолчи, молю.

– Знаешь, она беременна, – сказал Вейкли. – Лиза беременна, и я собираюсь жениться на ней. Во сне Айзек попросил, чтобы я не пускал тебя туда. Чтобы ты держался подальше. Рейчел тоже была там, точно такой, какой я ее помню. Господи, ты не знаешь, какой скверный сон это был. Ужас-

нее просто некуда.

Но Джейкоб, конечно, знал. Выходит, вернуться домой – не полностью его решение. Все происходит неслучайно; узлы в опутавшей его семью сети то ослабевали, то стягивались туже, но никогда полностью не развязывались.

– Кто еще там был? – спросил Джейкоб.

– Маленькая девочка. Какая-то маленькая девочка... она сказала, что скоро умрет.

Глава 4

Лиза пересекла улицу, идя против неожиданно грубой толпы, двигавшейся в противоположном направлении. Пара китайских курьеров с мрачной решимостью в глазах промчалась мимо, будто они спешили проехаться по чьей-нибудь могиле. Она встала на бордюр и шмыгнула в столовую на углу, уже чувствуя запах кофе поверх вони куч мусора снаружи.

Группа плохо одетых клерков толкалась локтями на входе. Кто-то улыбался, кто-то разглаживал стрелки на брюках, где-то покашливали – обычно она этот звук ненавидела, но кое-как терпела. Она проверила меню и заказала для Боба нежирную еду, надеясь хоть немного снизить уровень холестерина. Лиза прекрасно знала, что к тому времени, как она вернется, Джейкоба уже не будет.

Пока заказ готовили, она подошла к телефону-автомату рядом с туалетами, миновав тех же самых клерков, развязной походочкой Мэй Уэст. Толчею бедных мужичков она ради шутки наградила соответствующей роли улыбочкой – да такой, что все они попрытали лица за своими сэндвичами в промасленной бумаге.

Сняв трубку, Лиза зажала ладонью второе ухо, чтобы не слышать шума кафетерия, набрала номер Кэти – и наткнулась на автоответчик. Покачала головой, дивясь тому, что

подруга, видимо, уже на паре истории: ну да, нет ничего увлекательнее в девять утра, чем история Филиппин в двадцатых годах двадцатого века. Не так давно Лизе было стыдно – ни за деньги в колледж не прошла, ни по успеваемости; но чем больше ей рассказывали про увлекательную историю Филиппин и изумительных преподавателей, готовых сожрать тебя с потрохами за незнание годов жизни Мануэля Луиса Кесона-и-Молины, тем сильнее Лиза крепла в убеждении, что ей еще повезло – не потратила впустую ни время, ни деньги.

Может быть, Кэти не пришла на лекцию, а вместо этого решила отправиться в свое новое место для сна – в университетскую библиотеку, где она привыкла валяться на новых футонах, уложенных вдоль окон на третьем этаже: все необходимые тексты под рукой, но вроде как глаза не мозолишь, персонал библиотеки не бузит. Кэти спала в обнимку с очень толстой, полной закладок и разноцветных ярлычков, отмечающих важные места, папкой – хранилищем материалов диссертации, призванной снискать ей степень доктора гуманитарных наук (и обеспечить безработицей на долгие годы). Вздумай какой-нибудь псих похитить этот труд, ему пришлось бы отрезать у спящей Кэти обе руки по локтевым сгибам. Лизу иногда охватывало чувство превосходства, когда она думала о том, сколько подруг будут стремиться к чему-то столь же престижному, как ее собственная работа, когда выйдут из-за своих увитых плющом стен.

– ...и я свяжусь с вами, как только смогу. Спасибо!

Лиза сказала:

– Кэти, ты зря отправилась глотать книжную пыль так рано, поверь мне. Кто-то тебя сильно любит в небесной канцелярии – все звезды сходятся в твою пользу, дуреха. Не сочти за перемену темы, но все ж я скажу тебе: да, ты была права, и да, кажется, я влюбляюсь. Но только не говори, что я слишком быстро привязываюсь не к тому типу мужчин, ладно? Я давно в курсе. И да, он слишком стар для меня, но мы поговорим обо всем этом, когда перед нами будет два бокала «Лонг-Айленда» со льдом.

Она все еще не знала, сколь много следует рассказать Кэти, какие темы являются абсолютно безопасными, о чем можно распространяться в деталях, а о чем лучше умолчать. Иногда они могли поговорить о мужчинах, детях, домах, подъездах, деньгах, контроле над рождаемостью и своих братьях и матерях. Но порой они подходили к какой-нибудь теме, и Лиза видела, как меняется лицо ее подруги – как будто ее ударили, и взгляд мертвеет в считанные секунды. Значит, что-то снова напомнило ей о скверной поре, когда она жила с дедом или с Тимом; о том отрезке жизни, что привел ее в итоге в больницу.

– Ладно, теперь к самому интересному. Угадай, кто сегодня заглянул в литературное агентство Роберта Вейкли, где я с недавнего времени работаю. Да-да, тот самый писатель-отшельник, у которого ты страсть как хотела взять интервью.

Сколько я ни подмасливала Бобби, он о нем — молчок; в силе воли этому мужчине не откажешь. Но сегодня тот сам взял и наведалься! Пара часов езды на север штата в мою сторону — и ты его подловишь, тут как пить дать. Можем устроить победный девичник по этому поводу. Он кажется очень милым и покладистым, совсем не такой чопорный, как мой Боб. И, Кэти, забудь о той дерьмовой фотографии, которую они штампуют на задней обложке его книг, — в жизни он довольно-таки симпатичный.

Она повесила трубку, пошла в дамскую комнату, заперлась в кабинке и беззвучно плакала порядка девяноста секунд. Когда она закончила, ей потребовалось лишь немного подкрасить глаза подводкой. Она задавалась вопросом, оплатит ли Боб хотя бы половину стоимости запланированного на ближайшее время аборта.

Глава 5

С той же уверенностью, с какой встретившиеся после разлуки любовники впиваются в плоть друг друга, его ноги коснулись едва заметной зыбучей грязи. Листья плескались у его лодыжек, земля, похоже, вздымалась навстречу каждому его шагу. Эта каменная твердь будто приветствовала его, вселяя несуразное чувство гордости за самого себя.

Вода в пруду рябила, отражение луны дрожало; волнение означало – нечто большое до сих пор плавает там. Джейкоб опустился на колени у бережка и провел пальцами по поверхности воды, ожидая прикосновения снизу, которого не последовало. Далекий плеск в темноте отвечал странному ритму – можно было представить, будто где-то там тонущая пловчиха тщетно пыталась выбраться из коварных водорослей, опутывающих ее тело все плотнее. Джейкоб повернулся к воде спиной и пошел к своей машине.

Мокрая дорога поглощала свет фар «корвета», пока тот медленно ехал к дому. Он выключил обогреватель и опустил стекло, прислушиваясь к реву и стонам порогов позади себя, тяжело раскатывающимся по лесу. Пороги идеально справлялись с задачей сепарации острова Стоунтроу – четырехмильного ромбовидного участка земли, приютившегося среди гор и утесов, окруженного парой рек, каждая из которых разделялась на два русла северо-восточной и юго-западной

оконечностями, — от главного материка. Набегая друг на друга, яростные потоки воды остервенело низвергались в озеро в паре миль отсюда.

Через восточное ответвление реки протянулся мост, который Джейкоб только что проехал, а сразу за мостом растянулся суровый холмистый край, проборожденный лишь узкими трактами да наскоро зарастающими большаками, расчищаемыми лишь стараниями тех немногих, кто ими еще пользовался.

При должной подготовке можно было, перейдя мост, пройти по западному тракту и, используя крепкие веревки и карабины, спуститься по склону скалы к гряде мельничных «городков», самым известным из которых оставался Галлоуз — прославившийся как место действия большинства взаимосвязанных романов его отца. Айзек Омут населил Галлоуз всевозможными непотребствами: тут тебе и сыновья-близнецы родителей-инопланетян, и современные ведьмы с кровожадными фамильярами, и свиньи-людоеды, и маньяк, который бродит вдоль дороги и высасывает у жертв души. В одном из изданий Омута-старшего в твердом переплете была воспроизведена карта, показывающая, как его герой спускался со скалы в эти предместья ада. Группа подростков попыталась повторить маршрут лет пять тому назад. С амуницией ребята крепко прогадали, застряли на камнях; пришлось обалдуев спасти местным рейнджерам.

Свет фар выхватил навес и гараж. Заляпанные, потрес-

кавшиеся окна были темны как смоль: как Джейкоб и подзревал, поклонники его не ждали. Стоунтроу остался, как и все достояние семьи Омут, сложенное из верности, боли и страсти, удаленным от остального мира. Именно поэтому в здешние игры было так легко играть.

Джейкоб припарковался, достал из багажника походный фонарь, проверил гараж и нашел в углу бочку с горючим. Он постучал по металлическому боку и по звуку понял, что та полна. Должно быть, простояла здесь семь-восемь месяцев; последний писатель, который арендовал это место, съехал ранней осенью, так и не продав свой последний роман ужасов. Даже по меркам Вейкли – слишком безрадостный исход.

Джейкоб залил бензин в генератор, проверил масло, решил, что оно вполне чистое, нажал на праймер подкачки и работал со шнуром, пока мотор не заурчал. Свет наверху тут же зажил золоченой жизнью. Чрезвычайно благодарный, но в равной степени удивленный, Джейкоб задался вопросом, почему сейчас он так спокойно стоит, глядя на пустое место на стене... Его отец всегда был так дотошен, водворяя вещи на свои места. Оно привлекло его внимание так же сильно, как и все, что его сестра когда-либоставляла на обозрение, – этот отмеченный контур на стенной обшивке, где три тщательно ввинченных крюка ждали, что на них кто-то снова водрузит топор.

Джейкоб щелкнул релейным выключателем, оживляю-

щим электрический контур всего дома, и пошел к крыльцу, гоня всякую дурную мысль из головы.

Странный аромат, мгновенно узнаваемый, ударил ему в лицо: лилии. Ветер принес запах издалека, с поля, где буйно росли цветы. Мать высадила их там, когда оставила все попытки разбить собственный сад, – и, о чудо, лилии прижились. Невольная улыбка тронула губы Джейкоба, когда перед глазами встал материнский образ – хрупкая женщина в мешковатом комбинезоне на десять размеров больше, с сорняками в волосах, с перепачканными руками и чумазым лицом.

Словно трели в ухе, воспоминания громко роились со всех сторон. Он повернулся на голоса, смех и крики Рейчел. В тот же миг окружавшая его ночь резко отступила, солнечный свет и другие времена года пробились сквозь ее темный покров разноцветными пятнами. Джейкоб видел, как сюжеты прошлого мелькают перед глазами – как если бы реальность настоящего времени служила лишь плохонькими обоями, наклепленными поверх всего того, что здесь когда-то было. Времена года перетекали одно в другое – старые картины, наспех закрашенные настоящим... Джейкоб вытянул руку перед собой, будто в попытке схватить гниющий холст сегодняшнего дня и вернуть его на место, похоронив мертвое прошлое там, где ему и место.

Молния расколола ему череп.

Джейкоб вскрикнул и упал на колени. Что-то внутри него снова вырвалось наружу, а то, что было из него когда-то из-

гнано, снова скользнуло внутрь. Мощный фонарь выкатился из его рук. В лесу, слева от него, он услышал плач. *Они* всегда плакали.

– Только не сейчас... – прорычал он, чувствуя, как вкус крови наполняет рот.

За шорохом в кустах он услышал девичий визг и торопливые шаги и понадеялся, что какая-нибудь ополоумевшая любительница ужастиков явилась застрелить его, чтобы не мучиться более индуцированными его писаниной кошмарами. Кровь двумя струйками текла из его носа на землю. Ощупав голову и грудь и не найдя никаких повреждений, встав с трудом на ноги, он нетвердой походкой направился к линии деревьев, жадно хватая ртом воздух. Потоптавшись на одном месте, он окинул кусты взглядом и крикнул по-дурацки звучащим, сипловатым голосом:

– Кто здесь?

Как будто *они* действительно могли ответить! Как будто *они* могли рассказать ему то, что нужно было знать. Движение, уловленное краем глаза, привлекло его внимание, и Джейкоб развернулся, не видя в темноте ничего, кроме картин своего детства. Удушливый запах лилий давил ему на грудь, и в какой-то момент он снова беспомощно приник к земле.

Эти кровотечения с ним и раньше случались. Раздернутые завесы ночи открыли ему вид на дни, которые вспоминать не хотелось. Холодная глыба отчаяния выросла в животе, голо-

ва загудела набатом от старых чаяний, безответных молитв и утраченной любви. Так уже бывало с ним прежде – там, в глубинах чаши. Нечеловеческая печаль и тоска по чему-то неназываемому пропитали все его исковерканное существо.

Но все эти чувства не принадлежали его семье – и даже он сам не служил для них полновластным хозяином. Нет, все было не так просто.

Случалось такое и раньше – острое ощущение чуждого присутствия. Звук плыл по воздуху, расслаиваясь на многоголосье – мужские и женские интонации проступали из него разом, и какие-то из них вполне могли быть детскими, но в их странном бормотании нельзя было различить ни слова. Невидимая человеческая процессия шла по лесу, зовя за собой, затягивая его сознание все глубже в свой потусторонний омут, всячески намекая, что этот момент – торжественный, к нему подводили долгие годы, проведенные в ночи у дома; если Джейкоб не откликнется на приглашение, не поддастся влиянию неизвестной нейрохимии в своем мозгу, то яростные тени, скользящие в лунном свете, заставят его осознать, сколь он убог и неполон без них – хуже скунса, копошащегося в грязи. Только в их компании, *в окружении семьи*, его будут любить и понимать.

Он начал неудержимо рыдать, пытаясь подняться на ноги. Голоса все подбадривали его, праздновали его возвращение. Кто-то еще рыдал – от жалости к нему или же в порыве безумия; все громче и громче с течением времени. *Христос*,

услышь их всех, их молитвы и вопли. Как он мог надеяться когда-нибудь положить этому конец? Привязанная к Стоунтроу часть его души росла вне его самого – может быть, и жила гораздо лучше его, а может быть, отверженная, тихо умирала здесь. Но одна половина всегда хотела вернуть другую – будто супруга, чьи прикосновения больше невозможно выносить.

Луна прошлась по его волосам. *«Люцифер», – позвал его кто-то, таящийся слева.*

– Элизабет, – ответил он, потому что только она могла понять его беду – кем бы ни была. Это имя имело силу в его прошлом. Девушка с красной лентой... и, может быть, это его кровь в уголке ее рта.

Джейкоб повалился вперед, уткнулся носом в землю. Свет померк, но плач не стих.

Глава 6

Кэтлин Донливи, которую обычно звали Кэти (за исключением старых ирландцев с Семьдесят третьей улицы, верящих в мощь ее фамилии и обращавшихся к ней «*мисс Донли-и-и-иви*») снова посмотрела в зеркало заднего вида. На ее глазах черная петля дороги резво убегала назад – и, кажется, забирала с собой все обрывки поэм, страницы из «Дела Айзека Омута в вопросах и ответах», ее незаконченную работу по истории Филиппин, бабушкины очки... и, конечно же, Тима с ребенком.

– Что случилось? – поинтересовалась у нее Лиза.

– Ничего, – ответила Кэти.

– У тебя снова такой взгляд, будто тебе жизнь не мила.

– Просто стоит отъехать от города, как я будто на другую планету попадаю. У нас же все было – и карта с тремя цветными маркерами, с точками-стрелочками, и чертов компас... Как получилось, что мы сбились с пути?

– Чтобы карта хоть как-то помогла, нужно иметь точку отсчета. Последние полчаса я не видела ни номера шоссе, ни уличного знака, ни указателя километра. И мы не так уж далеки от истины. Мы уже рядом – нужно только найти подходящие проселочные дороги. Не беспокойся об этом.

– Да я и не беспокоюсь.

Она не лгала. Двенадцать недель прошло после ее выпис-

ки из больницы; не раз и не два она чувствовала себя на грани возвращения в злополучный корпус Д, но последние дни выдались хорошими. Наконец-то, благодаря Лизе, она пришла в движение – пусть все это и напоминало маниакальный эпизод, у нее хотя бы появились направление и цель. Прошло так много времени с тех пор, как они у нее были. С каждой милей пути она чувствовала себя все более неуверенно, но чуть менее подавленно.

– Итак, – сказала Лиза, – мы где-то между Венесуэлой и Гренландией.

– Уже какие-то ориентиры, – пробурчала Кэти.

Сворачивая и разворачивая карту с разноцветными стрелками и точками, открывая и закрывая ее, словно играя на аккордеоне, Лиза в конце концов зашвырнула ее на заднее сиденье.

– Ладно, я признаю, что не могу понять эту чертову штуку, но мы уже близко, это как пить дать. Этот «остров» – на самом деле просто шматок леса, отрезанный от остальной чащи четырьмя реками.

– Сразу четырьмя? Как такое возможно?

– Думаешь, я знаю? – Лиза бросила взгляд через пассажирское окно в чистую тьму: луна ничего не освещала, видимость была нулевая. – Еще нет восьми часов, а на улице – хоть глаз выколи. Тебе не кажется, что ты слишком быстро едешь?

– Нет.

– А мне вот – кажется.

Кэти гнала лишь потому, что все еще надеялась сбежать от всего, что наступало ей на пятки. И, строго говоря, даже теперешних завышенных скоростей не хватало.

– Всего-то сорок пять в час.

– «Всего-то сорок пять» в этих краях могут пустить нас под откос или расшибить о дерево в лепешку.

– Ладно. Я сбавлю.

– Пойми, я же в курсе, что ты в восторге от встречи с парнем из твоих самых смелых литературных фантазий. Взять у него интервью, безусловно, будет веселее, чем копать в книжной пыли в поисках забытых фактов из истории Филиппин.

Лизе нравилось попадать в ритм и бегать по одной и той же дорожке снова и снова. Она получала лютное удовольствие от того, что не училась в колледже, обеспечена работой и положением в мире, и ей нравилось тыкать Кэти носом в самые очевидные глупости, на которые та сама себя обрекла.

– Много людей защитило диссертации по его случаю – было бы интересно узнать, что он об этом думает. – Если он вообще что-то скажет или сможет объяснить ей после всего того, что выпало на его долю. – Кстати, я так и не поняла – это он сам тебе нравится или его покойный отец?..

Кэти и сама не смогла бы твердо ответить на этот вопрос, хотя кое-какие догадки у нее имелись. Всякий раз, когда она думала о том, что делает, ей хотелось сильно ударить себя

по голове ладонью; она сама не могла поверить в реальность происходящего. Что же такое заставило ее недавно купить компас и развернуть все стрелки жизни в кардинально ином направлении? Полтора года назад она была обычной студенткой колледжа, проходящей второй год обучения, – со своей квартирой, подработкой в университете и живущим с ней парнем Тимоти. Есть ли в наше время имя более пасторальное, чем *Тимоти*? Фрэнк, Томас или Джозеф – наверняка какие-нибудь прохвосты; над «Джоном» витает чересчур тяжелое библейское наследие... «Тимоти» же звучит так же безобидно, как, скажем, «яблоко».

Может, его пристрастие к кокаину и не было делом безобидным, но в былые времена оно ни на что не влияло. Это через нее – особу, наметившую план комфортного будущего в качестве домохозяйки среднего класса и, может быть, колумнистки местной газетенки, пишущей о своих детях, собаках, ценах на минивэны и капризах родительского комитета, – внезапно прошла трещина, первым же делом уничтожившая их с Тимом ребенка.

Она опустила окно, чтобы глотнуть воздуха, пока Лиза возилась с проигрывателем компакт-дисков и вставляла что-то с привкусом диско. Тяжелый бас зазвучал из динамиков, равномерно наполняя машину.

– Ты это серьезно? От индастриала – к «Лихорадке субботнего вечера»?

– В последнее время мои музыкальные вкусы изменились.

– И я даже знаю, кто именно их изменил.

Лиза усмехнулась, но, как обычно, когда они говорили о Роберте Вейкли, спрятала за этим серьезное выражение лица, выдающее гораздо больше, чем она могла бы признать.

– Тихо ты.

Дорожная карта шелохнулась на заднем сиденье, словно пытаясь раскрыться снова. Лиза потянулась назад, схватила ее и положила себе на колени, в свете приборной панели пытаясь отыскать зеленую, оранжевую и синюю метки, оставленные на ней.

Ребенок появился и пропал всего за два месяца в прошлом году, оставив за собой шлейф любви и ненависти, с каковыми она никогда раньше не сталкивалась. Вскоре за этим последовала ночь криков и швыряния в стену посуды – испытание, переросшее из глупой пощечины в спровоцированный кокаином боксерский поединок с Тимоти, который и привел ее в больницу. В последующие недели, когда ей вправили челюсть и она с Тимоти прошла столь необходимую реабилитацию от наркозависимости, стало понятно: он перенес потерю ребенка куда тяжелее, чем она.

– Так-так... Может, свернем вот здесь? – спросила Лиза. Широкий изгиб дороги вдруг открыл впереди ведущую в строго противоположные стороны развилку, ни один «рукав» которой не казался особо заезженным. С освещением здесь были явные проблемы.

– Ну давай.

– Не соглашайся так быстро. Я выбрала методом тыка.

– Ну и зачем?

– Хотела услышать твое мнение.

– Я поеду направо.

– Нет, – воспротивилась Лиза, разглаживая карту на коленях – все еще со следами синяков от жестких деревянных половиц в квартире Боба. – Давай-ка езжай прямо.

– Как скажешь.

Кэти хорошо запомнила тот взгляд карих, отдающих в еле заметную голубизну глаз матери, которым та ее наградила, едва дочь объявилась на пороге дома с чемоданом и целой шеренгой стежков на челюсти. Стерпеть сокрушительное разочарование в нем оказалось даже труднее, чем смириться с выкидышем (Лиза до сих пор втайне считала, что имел место домашний аборт).

Тимоти вылечился, нашел новую работу, которая ему нравилась, и начал ходить на консультации в заведение, управляемое бывшими наркоманами – парнями, которые ездили на «харлеях», носили дреды и не прибегали к эвфемизмам, как большинство терапевтов. Кэти долго питала маленькую надежду, что они с ним снова сойдутся; сначала они выздорoveют сами, а затем, возможно, и друг друга излечат. Он воздерживался от кокаина и текилы, но время от времени пиво возвращало ему прежний образ мышления; наркоман есть наркоман. И пусть парни на «харлеях» продолжали трясти своими покрытыми шрамами кулаками перед его лицом,

ничто не могло заставить его измениться глубоко внутри, самому по себе; и так вышло, что, прежде чем Тим успел снова разрушить свою жизнь, его «Мазда» разбилась о тягач с прицепом, везущим несколько тонн картошки. Оба водителя разогнались в три утра на пустой трассе до шестидесяти миль в час, что по определению не сулило обоим ничего хорошего.

– Вот снова ты так смотришь, – заметила Лиза.

– Да как – «так»?

– Я иногда отрываюсь от карты, смотрю на тебя – и совершенно не узнаю. Будто передо мной кто-то абсолютно незнакомый.

– Ого. Звучит интригующе. Может, попробуешь описать эту даму?

– Брови высоко на лбу, губы настолько сжаты, что опускают рот вниз, изменяя угол челюсти, и при этом тебе еще и удастся немного щуриться. Из-за этого ты выглядишь как наемная убийца на работе.

Кэти выдохнула и попыталась расслабить лицевые мышцы.

– Ладно. Слушай, мне просто слегка не по себе от этой нашей авантюры. Я не хочу, чтобы Джейкоб подумал, будто я – сумасшедшая фанатка. И я знаю, что могу создать и для тебя проблемы.

– Скажем так, я не слишком беспокоюсь о том, что Бобби может подумать обо мне в данный момент.

– Пожалуйста, не говори так. Я не хочу создавать проблемы для вас двоих.

– Ничего ты мне не создашь. Да и потом, что самое худшее Джейкоб может сделать с нами? Не пустить нас в дом? Ну и хрен с ним.

– Или впустить, – пробормотала Кэти, опасаясь про себя, что настоящая причина, по которой ей потребовался человек с непростой судьбой, чьи выдумки кое-как скрашивали ее тягостное пребывание в больнице, среди людей, верящих, что мыльные оперы – это съемки реальных семейных драм, проста и звучит как что-то в духе суровых постулатов Камю: *один ужас всегда притягивается к другому*. Все должно иметь смысл, это факт; но был ли *такой* смысл достаточно осмысленным сам по себе?

Кто знает, что это будет за ночь, если они когда-нибудь доберутся до нужного места?

– Симпатичный, говоришь?.. – пробормотала она.

Лиза качнулась на бок и оперлась на спинку сиденья, гадая, правы ли были врачи, что так скоро выпустили ее лучшую подругу из корпуса Д. Лиза не знала, помогает ли она Кэти пережить что-то или просто подготавливает ее к еще большему падению. *Боже, пусть все будет хорошо*. Она посмотрела на оранжевые и синие стрелки – и, кажется, поняла, куда они направляются.

– Эй, следи за дорогой и притормози. Думаю, мы почти у цели.

Глава 7

Мрак нависал над замковыми камнями и металлической отделкой крыши. Бездонная чернота окутала окрестности смоляной паутиной. Флюгер судорожно скрипнул. Тусклый свет, исходящий от дома, растворялся в тенях чащи, словно шутя с соседскими детьми.

Джейкоб не смог снова найти фонарь, и путь по подъездной дорожке стал для него настоящим испытанием – он спотыкался через раз. Голова до сих пор гудела, из глаз текло что-то вязкое, не очень-то похожее на слезы, придавая ночи зловещий синий блеск. Каким-то чудом луна давала ему достаточно света, чтобы разглядеть подходы к входной двери. Измученный борьбой, все еще сражаясь за то, чтобы не пустить *их* внутрь и в то же время удержать в себе, он хотел только спать.

Если бы только они позволили ему.

Фронтоны израненными глазами вглядывались в землю, зримое совершенство ярких витражей в эркерах будто взывало к тому, чтобы он насобиравал камней и все их перебил – из почтения к еще большей хрупкости, за каждого из погибших.

Однажды он уже разбивал их, эти стекла – деревянным мечом, который он метнул в свою сестру как раз в тот момент, когда она собиралась вонзить свои клыки в жилистую

шею Джозефа. Папа к тому времени был уже «мертв», его посадили на кол в четверти мили отсюда; мама спаслась, спрятавшись в кустах. Брата, неподвижно сидящего в инвалидной коляске и ожидающего на крыльце, это совершенно не заботило, он всегда был сердитым и скупающим. Джозеф сидел, листая литературный журнал, страницы рвались у него в руках; время от времени он поднимал глаза с нескрываемым презрением и разочарованием и гнал от себя мух, норовящих усесться ему на потную спину. Конечно, Рейчел пыталась и до него добраться.

Она уродилась хитрой бестией, настоящей мастерицей партизанской войны. Рейчел – идеальный суккуб, меняющий свои параметры по мере необходимости; нечто, достойное отдельной статьи в иллюстрированной энциклопедии их отца «Демоны и чудовища: гид по дьявольщине». Рейчел могла превратиться в кого угодно – достаточно лишь немного румян, чуть-чуть помады; все нечеловеческое могло стать прекрасным в ее руках, в ее лице.

Папа, ее партнер в этих приключениях, сын Ваала, раб Молоха, пожирателя детей, наслаждался безумным бегом по лесу и писал и переписывал их приключения по мере того, как они их разыгрывали. Мать стала Белоснежкой на войне, Гвиневрой, вдруг обращенной в святость, Джульеттой на балконе – единственной женщиной в мире Джейкоба, которая дала бы ему защитить себя.

Итак, *Носфрейчел* вырывается из леса, бежит к крыль-

цу, чтобы победить Джозефа; это ошибка, и всем это известно. Их отец качает головой и усмехается, потому что Рейчел слишком нетерпелива, а Джейкоб, хотя и сам нетерпелив, всегда умудряется ее переиграть.

Мама и папа теперь оба сидят на пне, наблюдая, как битва затихает после стольких часов на солнце. Вырванные страницы из литературного журнала валяются вокруг, ветер треплет их. Совершенный, как герой древнегреческого мифа, Джозеф окидывает всех своих родственников насмешливо-презрительным взглядом. Сегодня выдалась долгая игра, но ему совершенно все равно, кто выиграет, а кто нет, – все равно он инвалид. Семья убеждала его присоединиться к ним и подыграть, но их бесконечные покровительственные привычки унижают его. Он – Мальтийский Сокол, золотой идол Паго-Паго, главный приз и домашняя база. Он не может умереть.

Джейкоб легко подмечал «переломные» для Рейчел моменты – чувствовал, когда ее нервы напряжены до предела, видел, как тревога, словно бесцеремонные парни из старой школы, заключает ее в медвежьи объятия. Выползая из кустов, он заранее понимал – ему не догнать ее, не схватить; шаг у шестнадцатилетней бестии длиннее, чем у него. Если он не выложится по полной, она выиграет, и ее победный смех будет еще долго отдаваться в его ушах.

Клыки оставляют мягкие белые вмятины на нижней губе. Она заправила свой плащ за пояс, чтобы он не мешал ей

двигаться. В лучшем случае у него есть секунд пять, прежде чем она оторвется от него. Он движется по встречному курсу, нервно хихикая.

– Ты не уйдешь, ведьма! – кричит он. – Свежий кол для тебя наточен! – Это – цитата из одного из самых ранних отцовских рассказов, одного из его любимых – об охотнике на колдунов Макнеллисе из провинции Ариовань, но Рейчел играет на полную катушку и не тратит на подобную ерунду дыхание. Осталось четыре секунды, и она так мощно стартует с места, что, даже если бы он кинулся ей наперерез, – был бы попросту сбит с ног. За ней бы не заржавело: Рейчел, если надо, и кулаком вмажет, и пнет; сделает все, что потребуется, ради победы. Если Джейкоб уронит меч, она сможет убить его – хоть прежде сестра даже и не пыталась, сегодня в изгибе ее напыщенных губ просматривается нечто гротескное, по-настоящему дикое. Две секунды – и он понимает, что уже потерял ее; победа над зубастой нечистой теперь наверняка достанется Джозефу, и он будет насмехаться над ним, словно король-триумфатор на рубиновом троне.

– Нет! – кричит Джейкоб негодуя. Странствующий рыцарь, несмотря на все свои человеческие слабости, не может проиграть таким демонам! На бегу он отводит руку назад и замахивается мечом в сторону, как раз в тот момент, когда Рейчел запрыгивает на первую ступеньку крыльца. Деревянный меч взлетает бумерангом, описывая отвратительную дугу к ее голове. Он представляет, как ее мозги вытекают

из ушей; плащ развевается на ветру, ее груди вздымаются от прерывистого дыхания в объятиях Джозефа. Джейкоб кричит, силясь вспомнить момент. На мгновение ему кажется, что так все и произошло, – но фокус зрения расплывается, и вот он уже видит себя (или кого-то, кто кажется ему собой) стоящим внутри дома и глядящим в окно.

Рейчел настигает Джозефа, и он замечает крутящийся деревянный снаряд у нее над плечом лишь тогда, когда она уже припадает к его горлу и ее змеиный язык делает выпад. В его глазах – испуг, вызванный то ли этим сестринским маневром, то ли моим брошенным мечом, но на губах – некое подобие улыбки. Мощными руками он поднимает ее и усаживает себе на колени – как раз в тот момент, когда деревяшка задевает ее ухо по касательной и влепляется в эркерный витраж, расколавшая его вдребезги.

Его мать и отец, подошедшие к нему, слишком ошеломлены, чтобы что-то сказать. Он изучает их лица, замечая некоторое разочарование – не слишком сильное, впрочем. Каждый из них анализирует свою собственную часть большего целого, чересчур поглощенный собой, чтобы что-то предпринять, – и не заботясь ни о чем, кроме того, как эта новая химия между ними вписывается в гораздо более грандиозные, более личные схемы.

Рейчел отталкивается от груди брата, встает с победоносно воздетыми руками и ухмыляется Джейкобу – слепо и бездумно, как голодная акула. Папа смеется безудержным

смехом, переходящим в девичье хихиканье, и звук этот настолько чуждый, что Джейкоб вздрагивает. Тяжелые осколки стекла дождем осыпаются с подоконника, усеивают клумбу.

Мама дергает сетчатую дверь, придерживает ее, чтобы брат мог вкатиться внутрь, и просит его помочь сложить в сушилку белье. Осколки блестят на полу, но всем будто бы наплевать, что едва ли имеет смысл. Папа дружески взъерошивает волосы Джейкоба и идет возиться в гараже. Рейчел медленно выпутывается из плаща, ее собранная в хвост шевелюра подметает воздух; обнимает брата – то ли ненавидя, то ли прощая. Его дыхание сбивается, все они покидают его, исчезая, пока он размышляет об этом убийстве, которое практически совершил, – видя, как ее череп треснул и мозги брызнули на колени Джозефа.

Он отводит глаза, минуя столовую; ветерок из новой дыры, проделанной в доме, нашептывает банальные слова раскаяния. Отмахиваясь от него, он поднимается к себе в комнату и ложится на кровать. Чувство вины не давит на слезные железы, как обычно, а оседает где-то на языке. Краем глаза все еще видно, как что-то мерцает, ярко-белое с алыми прожилками – будто кровь стекает по шпаклеванной стене.

Меня не накажут?..

Измученный борьбой, все еще сражаясь за то, чтобы не пустить их внутрь и в то же время удержать в себе, он хотел только спать.

Если бы только они позволили ему.

Джейкоб, спотыкаясь, направился к дому, встав прямо на том месте у крыльца, где его брат когда-то спас Рейчел от деревянного меча. В таких событиях прошлого крылась сила, способная утянуть назад, в самый омут. Что-то маленькое, но живое возле его ноги переползло через ступеньку. На Джейкоба уставилась черепаха. Он поднес руку к панцирю, поскреб его, словно бы ожидая, что рептилия замурлычет, и попытался вспомнить, кто же в итоге поднял меч с ковра, заменил стекло – и что потом произошло.

Он вытащил из кармана ключ от входной двери и не удивился, что он до сих пор подходит идеально. После стольких лет сдачи дома в аренду другим авторам – уважаемым соратникам отца, которые отдавали должное этому человеку, сдвигая подчистую сюжеты и выполняя второсортную работу над квазисиквелами, – ни один из них даже не поцарапал дверную ручку. Изнутри дохнуло легкой затхлостью, когда дубовая дверь тихо скользнула в сторону. Он больше чувствовал, чем видел, что ни один из постояльцев-литераторов не нарушил приличия своей волей – ни один предмет мебели не был сдвинут, ничего не взято и ничто не оставлено. Все те же скатерти на столах, стулья и напольные часы – в прежней незыблемой неприкосновенности. По соображениям эстетическим, атмосферным или, быть может, даже практическим в доме была соблюдена заповедь: «Не тревожь».

Почти все жильцы продолжали здесь работу над своими относительно популярными романами, хотя ни один из них

не задержался больше чем на несколько месяцев; Стоунтроу пустовал уже почти год. Их издательские успехи были фактом, который не упустил из виду ни один книжный обозреватель, «даром Омута». Обозревателям нравилось напускать драму – мол, атмосфера гиблого места сгубила Айзека и его семейство, но другие все еще могут здесь преуспеть.

Джейкоб закрыл за собой дверь и немного поблуждал по эбеновым склепам комнат, надеясь найти какую-нибудь причину в этом лабиринте истории и памяти. Он ускорил шаг, направляясь к лестнице, больше не думая о том, чтобы спуститься в подвал и включить там свет, не заботясь теперь о человеческих страхах и слабостях.

– Бет? – прошептал он. – Бет, ты мне нужна.

И он, конечно, знал, где ее найдет. В том самом месте, где она всегда жила, таясь за залежами его зимней одежды.

Этажом выше. В его спальне.

В шкафу.

Глава 8

Сияние луны отражалось от редких листьев и затуманивало глаза Кэти серебристой пеленой. Проведя пять часов за рулем, она слишком утомилась, чтобы ехать дальше, и по отчаянному настоянию Лизы они остановились на привал – «пока не съехали в реку или в овраг».

Лиза лежала на заднем сиденье, расстегнув пальто, выставив ноги в окно, постукивая пятками в причудливом диско-ритме, хотя они и выключили музыку. В зеркале заднего вида Кэти могла разглядеть потрескавшийся лак на ногтях Лизы, отсвечивающий слабым белоснежным светом.

– Спать не будешь? – спросила она у подруги.

– Нет. Спину ломит от этого придурочного ремня безопасности – поди тут усни.

– Да и мне что-то не хочется. – Повисла напряженная пауза. Кэти поразило, как мало они с Лизой разговаривали во время поездки – обеих, похоже, устраивала тишина. Что-то в этом было тревожащее. – Спасибо, что поддерживаешь меня в этом безумии.

– Как по мне, пока все довольно интересно складывается. Если ты сможешь написать о нем – вообще высший класс. Бобу самому не придется еще стрясти с этой темы. Он говорил, что первые две его писульки продавались очень хорошо.

– Как же ты выпытала у него адрес?

– Ничего я не выпытывала. Порылась прошлой ночью в адресной книге его имейла, выцепила несколько имен авторов, снимавших дом, чтобы пописать в свое удовольствие, – тех, на которых ты мне указала, – ну и так получилось, что кое-кто из них выболтал мне, где же находится легендарный остров Стоунтроу.

– Неплохо, Мата Хари.

Все-таки это была дурная затея. Все больше Лиза убеждалась в этом.

– Думаешь, следовало заодно расспросить поподробнее о дороге?

– Я думаю, все они понимают, что написание романов в этом доме – на деле просто рекламная афера и что их опусы не идут ни в какое сравнение с трудами Айзека Омута.

Лизе не понравился и этот немножко истеричный тон идолопоклонницы – как будто весь мир должен восхищаться очередным, лишь одним из легиона, автором ширпотребных ужастиков, а всех остальных мешать с грязью. Сразу на ум шли сектантские газетенки, где слово «дьявол» в статьях писали только как «д*****л», а «БОГ» – исключительно в верхнем регистре. Разумеется, если где-то и есть вышестоящие противоборствующие сущности, то им вряд ли есть дело до того, как какая-нибудь очередная «Сторожевая башня» представит читателям эвфемизмы, заменяющие их истинные имена.

– Неужто старина Айзек реально так хорош? – спросила

Лиза.

Кэти задумалась о том, как объяснить степень «хорошести» Айзека Лизе, которая ни разу в жизни не дочитала роман до конца, да и в целом не находила в словах волшебства. Лиза умела заставить всех в комнате, куда входила, смотреть на себя, и ушмыгнуть, когда надо, совершенно незаметно; знала, как успешно свалить на кого-нибудь работу, которую поручили одной лишь ей; но у нее никогда не получалось прочувствовать самый нехитро сложенный стишок.

– Что-то в нем было такое, выдающееся. Его сочинения сами по себе варьировались от блестящих до откровенно ужасных... то же самое и у его сына Джейкоба. Есть мнение, что это их непостоянство – часть обаяния. Но я считаю, это поверхностный взгляд. Так или иначе, у них обоих есть некое трудноуловимое качество, которое и отделяет уникальное от обычного.

Слушая, как Кэти говорит с таким благоговением, Лиза почти испугалась – никто, кроме фанатиков, не вещает до того выпренно о самых обычных вещах, – но страх не был так силен, как досада от того, что они застряли в лесу. Да и вообще, уж она-то могла сейчас находиться в пляжном домике Боба.

– Слушай, еще ведь даже нет девяти часов, а ты уже вымоталась, по голосу слышно. – Лиза опустила подлокотник, чтобы они могли лучше видеть друг друга. – Надо было нам распределить обязанности – сначала ты рулишь, потом я, и

так по очереди. – Закурив, Лиза сделала долгую затяжку и передала сигарету подруге. Кэти затянулась неуверенно, будто боясь, что это окажется косяком, от которого у нее сорвет крышу. В последнее время Лиза уж слишком много смолила, уничтожая по две пачки в день, будто надеясь, что никотин рано или поздно оборвет развитие плода у нее в утробе.

– Ты звучишь не лучше, – сказала Кэти.

– В смысле?

– Ты тоже будто вымоталась. С тобой все в порядке?

– Ага.

И снова – пауза, затянувшаяся пуще прежней и, к разочарованию Кэти, ни к чему так и не приведшая. А так хотелось, чтобы кто-то уже наконец выговорился. В последние несколько месяцев уж слишком много недосказанности между ними накопилось. Сложно было понять, кто из них кому не доверяет, кто здесь в ком сомневается – Лиза в Кэти или наоборот.

Еще через несколько секунд тяжелой тишины послышался резкий звук, не то чтобы громкий, но прозвучавший неожиданно вызывающе. Подруги разом сели прямо. Что-то в лесу двигалось параллельно машине, прокладывая себе удобный путь через чащу, шаркая и оступаясь.

– Ты слышала это, Лиза?

– Конечно. Ты чего такая нервная? Это просто какое-то животное. Расслабься.

– Да, но...

– Послушай, Кэти...

– Я просто пытаюсь сказать, что...

– Я знаю, что ты хочешь сказать, но...

– Лиз, ты дашь мне договорить?

– Нет! Перестань психовать, или...

Они уже некоторое время раздражали друг друга; кажется, ситуация наконец дошла до точки кипения. Загадочный «животный» звук скрылся вдали, и теперь только и слышны были ползущие сквозь ночь реки – заставляя их обеих чувствовать себя дурочками из-за того, что, подобравшись так близко к реке, они не смогли выехать к распроклятому мосту. Еще одна напряженная, полная выкристаллизованного бездействия минута заставила их уняться снова.

– Итак... – сказала Кэти.

У Лизы была в распоряжении лишь секунда, чтобы решить, какую тактику выбрать: разоблачение или допрос.

– Так ты когда-нибудь расскажешь мне, что именно мы пытаемся доказать, приехав сюда за этим парнем?

Не самый честный ход – ведь это усилия с ее стороны переломили развитие событий. Но в разыгранном ими матче сперва требовалось очертить границы дозволенного. Понять, какие ходы в принципе являются допустимыми, а к каким лучше не прибегать. Такие игры вслепую не могли пройти без затруднений.

– Я не знаю, что *ты* делаешь здесь, но я – работаю над своей диссертацией.

– Ни хрена подобного. Твоя диссертация – про сраные Филиппины.

– Возможно, есть другие причины. Лучше бы ты ехала с Бобби к морю.

– Думаешь, я дала бы тебе приехать сюда одной? Подойти к нему без формального представления?

– Ты виделась с ним чуть больше минуты.

То правда; но он, похоже, знал, как обращаться с Бобом, и ей нужно было немного расспросить его об этом.

– Пришло время нам с Бобби провести несколько дней вдаль друг от друга, чтобы расслабиться. В последнее время он весь на взводе, да и я тоже. Это не его вина, и я не хочу, чтобы все между нами прогорело, едва начавшись. – Она продолжала отстукивать диско-ритм – ее ступни будто двигались вдоль окна в странном прерывистом шаге. Раз-два-три, раз-два-три. – К тому же сейчас на море чертовски холодно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.